

О САМОДОСТАТОЧНОСТИ.

История из жизни российской социологии с интерпретацией.

Полный текст. Статья была опубликована в сокращении:
Немцев М. Другие игры // Культиватор 2011 № 3 С. 61-69.

Я где-то читал о людях, что спят по ночам.
Ты будешь смеяться, но, клянусь, я читал это сам...
Борис Гребенщиков

ШАЙКА – понятие, используемое для обозначения малых групп, иерархически акцентированно структурированных вокруг лидера, члены которых связаны общим чувством преданности и определенным ареалом активной деятельности, носящей оттенок той или иной социальной девиации.
С. И. Григорьев («Словарь виталистской социологии»)

В первой части текста речь пойдёт о таком своеобразном направлении российской социологии, как «социология жизненных сил» – написать об этом мне предложила редакция; во второй части речь пойдёт о выводах, которые можно сделать из наблюдений за жизнью таких интересных порождений российской социологии, ради которых я и взялся об этом писать. *Основная идея статьи состоит в том, что когда каждый сам за себя, можно делать что хочешь, и тебе за это ничего не будет.* Это и хорошо, и плохо.

«Социология жизненных сил» получила известность в России в конце 1990-х годов: это самоназвание научного направления, созданного в Алтайском государственном университете (АГУ) в 1990-х гг. Фактически, речь идёт не просто о школе, развивавшей один из социологических подходов, а о большем, чем наука: о социально-философской школе, которая стремилась предложить свои ответы на основные насущные вопросы общественной жизни России, и при этом ещё и развить социологическую науку. Я даже могу предположить, что создателям «социологии жизненных сил» (далее – СЖС) было не очень удобно работать в формате социологической школы; будь они изначально трудоустроены как философы и культурологи – тогда в произведённых ими программных и исследовательских текстах о социологии речь вообще заходила бы лишь время от времени.

Сергей Ушакин реконструирует историю этого интеллектуального движения так¹. В конце 1980-х в СССР почти не было университетского социологического образования. Будущие социологи учились в основном на экономических и философских факультетах, а некоторые изучали научный коммунизм. Но в 1990 году в 19 вузах начался приём на специальность «социология». Спрос на неё был разогрет Перестройкой. В Алтайском государственном университете (АГУ) тоже за год до того была создана лаборатория социологии молодёжи. Вскоре возник «учебно-научно-производственный комплекс», в который входили несколько небольших образовательных учреждений, и, конечно, здесь скоро начал действовать диссертационный совет.

«Успех» алтайской социологической школы (одним из её самоназваний было «социология жизненных сил», другим, более академическим – «этновитализм») во многом стал результатом организационной активности Святослава Григорьева, а сам этот человек на рубеже веков стал её публичным лицом (принимая на себя наскоки журналистов,

¹ Oushakine S. *Patriotism of Despair. Nation, War and Loss in Russia*. Princeton, Cornell Univ., 2009. P. 119-128.

публичных фигур и прочих злопыхателей). Поэтому надо сказать о нём пару слов². Академическая карьера будущего лидера СЖС началась на кафедре научного коммунизма Барнаульского госпедуниверситета. Он родился в одной из деревень Алтайского края, закончил аспирантуру в МГУ, а затем прошёл путь от ассистента до заведующего этой кафедрой. При этом он занимался социологией молодёжи, В 1982 г. создан Алтайский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, и ему, как он пишет, «было поручено координировать его деятельность»³. В 1988 году Григорьев ушёл в Алтайский государственный университет – самое престижное учебное заведение на Алтае руководить научно-исследовательской проблемной лабораторией социального развития молодёжи. «Прорыв» социологического образования приближался. И вот, на базе этой лаборатории осенью 1989 г. в АГУ создана первая кафедра социологии, а через год – факультет социологии. В этом же году Григорьев защитил диссертацию «Представления о социальной справедливости и механизм ее осуществления в современном советском обществе (опыт изучения и обоснования целесообразности социологического исследования проблемы)». Фактически факультет социологии АГУ, где можно получить диплом специалиста по социологии, социальной работе, психологии и другим «гуманитарным» специальностям, стал небольшой образовательной корпорацией, и одним из крупнейших социологических факультетов в стране (Сергей Ушакин пишет, что *третьим*, но не очень понятно, с какой точностью можно сравнивать такие сложные учреждения; во всяком случае, соцфак АГУ намного перерос уровень большинства таких факультетов в провинциальных вузах). Выпускники и сотрудники факультета работали в городской и краевой администрации, а легендарный губернатор Михаил Евдокимов назначил декана Григорьева своим советником.

Ушакин аккуратно пишет об этновиталистах из АГУ, что «основной стратегией, позволявшем факультету нарастить академическую продуктивность, был академический ресайклинг» (р.122). За прошедшее время терпимость к точному воспроизводству академических текстов для наращивания чистой продуктивности в российской науке заметно возросла, и вероятно, не только под действием всеобщей компьютеризации. В условиях, когда списочное количество публикаций является важнейшим критерием академической продуктивности, при этом нет санкций по отношению к производителям некачественной продукции, такая стратегия вполне оправдывает себя.

Идея СЖС состояла в следующем (попробую тезисно изложить её на основе критического анализа С. Ушакина и моих собственных наблюдений того времени, а также чтения текстов, которые я сейчас уже не могу, увы, восстановить; но в принципе, надеюсь, что излагаю картину вполне правдоподобно).

1. **Каждый живой организм** – отдельно взятый индивидуум или же большой организм - народ (этнос) **обладает** определённым уровнем жизненных сил, которые позволяют этому организму развивать собственную субъектность. «Субъектность» определяется *телеологически*, как внутренние потенции или возможности, реализуемые живым организмом во взаимодействии с другими живыми организмами. То, что позволяет субъектности сформироваться, состояться, раскрыться – это и есть жизненные силы. В отличие от философской «сущности», «субъектность» доступна социологическому исследованию, однако для СЖС важнее не сама «субъектность», а то, что позволяет ей состояться или не состояться – «жизненные силы». Но что это такое? Это не гумилевская «пассионарность»: к пассионарной теории этногенеза теоретики этновитализма относились уважением, но дистанцировались от неё. Это совокупность психобиосоциальных сил, присущих индивиду; жизненные силы группы суммируются,

² См. его «экспресс досье» на сайте алтайского информационного агентства: <http://www.altairegion.ru/personage/?id=154>

³ Григорьев С. И. Полувековая эволюция социологии в Сибири // Социологические исследования 2008 № 6, с. 74-81.

образуя жизненные силы социальной группы. Так, писали о «жизненных силах молодёжи». Но важнейшим объектом исследования СЖС стал этнос (об этом ниже).

2. **Жизненные силы** разнообразных общественных систем во многом определяются тем, каким ценностям следует большинство их представителей. Так, ценность коллективизма поощряет объединение людей ради совместной деятельности, суммируя их жизненные силы, а ценность индивидуализма наоборот, разобщает общество, снижая его жизненный потенциал и, соответственно, снижая его жизнестойкость и лишая его перспектив развития. Поэтому анализ динамики жизненных сил невозможен без внимательного анализа культурного процесса, в частности, динамики ценностных систем. Следовательно, выявить ключевые факторы, влияющие на эту динамику – в этом состоит задача социологов. «Марксизм» изучал отношения социальных структур, но, согласно СЖС, не предложил методологии для анализа отношений ценностных систем и условий реализации биопсихосоциальных возможностей индивидов. Для этого нужна новая методология.

3. **Культура** – это естественная среда развёртывания жизненных сил и становления субъектности. Культуру, не мудрствуя, определяли как ценностную систему общества. и совокупность институтов, поддерживающих эти ценности. Так, крайне важен институт образования, именно как механизм ценностной трансляции. Подлинным субъектом культуры является общность людей, разделяющих единую систему ценностей. Это – этнос. Хотя общность происхождения играет важную роль для определения принадлежности к этносу, ведущим фактором является приверженность к определённой системе ценностей и готовность следовать ей в совместной деятельности.

4. Жизненные силы человека или этноса могут быть **реальными (явными)** либо **латентными**. В сравнительно позднем «Словаре виталистской социологии» в статье, написанной ведущими виталистами, их различие объясняется так: «первое [т.е. «явные ЖС»] характеризует особенности реально существующего наблюдаемого жизненного потенциала человека как его способности воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и общественно-организационными средствами, открыто решать личные и общественные проблемы на основе достижений современной цивилизации, культуры социальной жизни. Второе понятие, альтернативное (контрарное [sic! – но зачем это милое и неправильное уточнение?– М.Н.]) первому, обозначает скрытые потенциальные возможности человека, субъекта социальной жизни решать свои жизненные проблемы, воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и общественно-организационными средствами, открыто решать личные и общественные проблемы на основе достижений современной цивилизации, культуры социальной жизни»⁴. Иными словами, жизненные силы могут не проявлять себя, их развитие можно задержать и даже прекратить. Употребляется и понятие «фиктивные жизненные силы», означающие, что субъект жизненных сил сам может не подозревать об их существовании, будучи мистифицированным или дезинформированным противниками его развития.

5. Все люди принадлежат к определённым этносам. **Этническая культура** (*этнокультура*) является естественной средой реализации их жизненных сил, при этом сама этнокультура – это способ организации совместной деятельности членов этноса, развившийся при взаимодействии ЖС этноса и жизненного пространства этноса⁵. Именно в исторически конкретном жизненном пространстве и во взаимодействии по поводу социальных отношений в этом пространстве на основе этнокультуры развиваются ЖС человека.

⁴ Растов Ю., Григорьев С. Явные и латентные жизненные силы человека // Словарь виталистской социологии / под ред. чл.-корр. РАО С. И. Григорьева. М.: Гардарики, 2006. С.214.

⁵ Прокопьева Н. В. Основные направления научного анализа специфики жизненных сил этнокультуры российских немцев на Алтае рубежа XX-XXI веков: Дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2005. 178 с.

6. В частности, для выживания этноса необходим контроль над собственным **жизненным пространством**. Для этого этносы создают национальные государства и стремятся защитить это пространство от чужих. Способность к такой защите – признак здорового (= полного ЖС) этноса. Но! Враг стремится подорвать ЖС, чтобы вторгнуться в жизненное пространство. Для этого он стремится подорвать национальную этнокультуру.

В таком изложении, концепция ЖС не производит впечатления революционной концепции. Это, в общем-то, не более чем особый язык, описывающий основные и «очевидные» (наблюдаемые на уровне обычного здравого смысла) явления. Когда ведущие этновиталисты писали для своих студентов учебник по методам социологических исследований⁶, они вполне обошлись и без «витализма», и без «жизненных сил». Это означает, что качественного развития социологического знания СЖС не принесла. Предотвращая упреки во вторичности, СЖС была объявлена *неклассической* социологической парадигмой, которую не стоит подвергать «старой» методологической критике.

В начале 2000-х этновитализм эволюционировал, породив культурвитализм⁷, и это привело к увеличению «специальных слов» виталистического языка. Если изложить тезисы этновитализма так, как это я сделал, можно предвидеть, что этновитализм должен прийти к разработке методов защиты ЖС своего этноса от *чуждых влияний*. Так и получилось: этновиталисты прямо стали позиционировать себя как специалистов по защите жизненных сил славянского этноса от разрушительных влияний, и поставили вопрос о необходимости развития социальной терапии⁸. Были проведены специальные конференции. С Григорьевым сотрудничал специалист по общественному интеллекту и один из создателей Петровской академии наук и искусств А. И. Субетто; вместе они предложили проект «социальной вирусологии», позволяющей понять ведущуюся против этноса «социально-психологическую борьбу, «с помощью которой разрушается “каркас” социальной памяти этноса, базовых систем и мировоззренческих парадигм»⁹... В начале 2000-х, школа этновиталистов стал позиционировать себя как узел «патриотической» национальной сети, предлагая СЖС как методологию диагностики и лечения угроз нации; и так *СЖС стала органической частью единого фронта борьбы за спасение русского этноса от разрушения, и надо уже договорить очевидное: разрушение это шло с Запада, и учиняли его евреи.*

Градус теплоты отношения самого Григорьева к антисемитизму был темой множества дискуссий в Барнауле в те дни, но люди, с которыми он состоял в тесных дружеских и профессиональных связях, а также другие этновиталисты не оставляли сомнений насчет себя. Здесь можно было бы привести несколько некрасивых историй, вплоть до иска журналистов краевой газеты «Свободный курс» против одного из профессоров педуниверситета по поводу его книги «Теневой народ»¹⁰, но это, пожалуй, за рамками темы. Важно другое: научная, по исходной самопрезентации, школа со временем стала выступать как инициатор общественно-политической активности, почти как центр консолидации культурно-политических сил¹¹, потенциально влияющий на «развитие» всего этноса. Их влияние опиралось не на глубину и результативность конкретных социальных исследований в регионе, а на факт наличия новой, эффективной и наукообразной идеологии и группы тех, кто её «продвигает». Целью их политической деятельности было *оздоровление народа*. Это, в принципе, логично для *витализма*. Ушакин связывает такую ориентацию с тем, что изначально группа, в которую входил

⁶ Григорьев С., Растов Ю. Основы современной социологии: учеб. пос. Барнаул, издательство АГУ, 2001.

⁷ Семилет Т. А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры. Барнаул, 2004.

⁸ Ушакин 2005, с. 265.

⁹ Цит. по: Ушакин 2005, с. 272.

¹⁰ Да, конечно, речь в этой книге шла об евреях.

¹¹ Под «культурной политикой» в данном случае я подразумеваю тех, для кого цель политической деятельности – создание предпосылок и условий для культурных трансформаций.

Григорьев, изучала социальное здоровье, и уже при самом её возникновении важнейшей темой стала диагностика угроз здоровью населения - угроз в самом общем смысле. СЖС, фактически, возникал как особый язык, на котором удобно обсуждать актуальную ситуацию и перспективы её изменений, вплоть до рекомендаций социотехнических действий; а научная деятельность во многом превратилась в особую социальную практику, позволяющую развивать и усиливать группу, пользующуюся этим языком, и создавать базу для социальной и политической экспансии.

А вокруг были 1990-е годы! Перестройка. Стало можно думать как хочешь, о чём хочешь, о чём давно хотелось – вслух, и притом требует осмысления общественный кризис. Эта непривычная интеллектуальная аномия в стране, которая многим запомнилась как золотое время свободомыслия, в Барнауле привела к возникновению очень интересной общественной ситуации. О прославившейся своей сюрреальностью барнаульской «виталистической социологии» обычно рассуждают, упуская из виду весь барнаульский интеллектуальный ландшафт. А на нём были заметны ещё и другие игроки. Будущие социологи знания наверняка обратят внимание на то, что публичное пространство города заполняли «консервативные националисты» («Славянское общество» с откровенными закосами в антисемитизм), «духовные консерваторы» («Рериховское общество», порождение очень активного на Алтае рериховского движения¹²), и прочие. А в это же время в городе формировалась андеграундная литературная, музыкальная сцена. Барнаул – это самый южный форпост «сибирского рока» («Территория», «Тёплая трасса», «Дядя Го» и другие); это место рождения одного из лучших самиздатовских литературных альманахов 1990-х «Ликбез» (<http://www.lik-bez.ru/>). В городе происходили постоянные культурные и интеллектуальные события, впрочем, в стране, кажется, вообще тогда была повышенная плотность событий: тогда *многое ещё происходило впервые*. На этом фоне, возникновение и развитие СЖС можно воспринимать и как в чём-то романтическую попытку выстроить на свободном месте что-то новое, настоящее и нужное. Такое было время, когда многие что-то строили и построили, в том числе научные школы; именно тогда т. н. «провинциальная наука» в России начала быстро развиваться вместе с ростом числа кафедр, университетов, диссертационных советов¹³.

Несмотря на стилистические и мировоззренческие разногласия, конкуренты в борьбе за публичное пространство города оказывались способны эффективно противостоять тем, кто отказывался играть по принятым правилам и обсуждать, как они, например, судьбу Российской нации в *этнотравматологическом* (как постфактум назвал это Ушакин) ключе. Показателен такой случай. В 1999 году в городе состоялся семинар по образовательной политике под руководством П.Г. Щедровицкого. Его организаторы не имели отношения к господствующим интеллектуальным группам города. Те отследили странную флуктуацию поля мгновенно; уже в дни трёхдневного семинара в Администрацию края поступила «аналитическая записка», подписанная людьми, на семинаре не присутствовавшими, с резкими обвинениями в стремлении расшатать духовно-нравственные устои населения края. Подписана она была лидерами алтайских космистов Ю. Шишиным и И. Фотиевой. Через несколько дней на имя заместителя председателя краевого законодательного собрания поступило «экспертное заключение на содержание материалов семинар», уже за подписями С. Григорьева и С. Кинелёва. И там было заявлено буквально следующее (не в 2009, а в 1999 году): « в Алтайском крае в значительной мере утрачен государственный контроль над развитием образования, наблюдается безответственное заигрывание с различного рода инноваторами от образования... Излишне доказывать, что всё это ведёт к разрушению культурных, национально–государственных основ отечественного образования»¹⁴. В результате, Школа гуманитарного образования, которая занималась организацией этой оргдеятельностной

¹² Самоназвание – «алтайский космизм»

¹³ Об этом процессе: Любимов Л. И. Угасание образовательного этоса // Вопросы Образования. 2009 №2, с. 199- 210.

игры, была ликвидирована. Так этновиталисты продемонстрировали способность эффективно блокироваться с родственными, хотя и конкурирующими группами, для устранения конкурента в политическом поле, даже лишь вероятного конкурента¹⁵.

Позже, впрочем, одиозная школа *нормализовалась*. В середине 2000-х С. И. Григорьев покинул АГУ¹⁶, его ученики занимают более мягкую позицию. Исследования в рамках «виталистской парадигмы» продолжаются, но теперь это уже в полной мере *наука для собственного употребления*; участие в прикладных социологических исследованиях и мониторингах не требует обязательной опоры на продвинутую неклассическую парадигму, но она и не мешает делать обычные («нормальные») социологические исследования.

То, что я только что описывал – это уже прошлое. Наиболее яркие личности, фигуранты громких споров десятилетней давности, ушли в тень; судьба России уже больше никого не интересует настолько, чтобы чьи-то кулуарные дискуссии на эту тему становились общественно-политическим событием городского масштаба. Кажется мне, что и *тема развития духовности* (а в её рамках укреплялся культурвитализм) потеряла остроту, когда РПЦ МП окончательно стала Последним Авторитетом по всем вопросам духовности, как бы предложив тем, у кого другие мнения, развивать их исключительно в частной обстановке. Впрочем, жизнь стала другой не только в отдельно взятом Барнауле. И эпистемологические феномены, подобные СЖС, уже не привлекают большого интереса: в конце 1990-х людей, привыкших к единообразной нормативной рациональности советских социальных наук ещё удивляли и поражали тому, что может произойти, если наука вырывается из-под прессинга рациональности на свободу. Десять лет спустя в этом уже ничего особенного нет. В Барнауле кто-то продолжает мыслить этновиталистически, также как в Красноярске развивается «универсальная социология» Немировского, в Москве существует виртуальная Академия Тринитаризма, а на соцфаке МГУ творится то, что там творится...

Что же это, этновитализм – лженаука это или псевдонаука? Ни в коем случае. Это самая настоящая наука социология. Правда, развившаяся при несколько необычных условиях, никак не вынуждавших то, что росло, превращаться в «настоящую», стандартную социологию, точнее – вообще в «науку» в полном смысле этого слова.

Идея науки как рационального открытого исследования, несомненно, предполагает два условия. Если они не соблюдаются, то о «науке» речь идти не может.

Первое состоит в том, что результаты своих исследований – если это не просто хобби-занятия на досуге – исследователь представляет и предоставляет тем, кто в таких результатах заинтересован, чтобы те могли их обсудить и использовать в собственной работе. Результаты обсуждения – критика и уточнения (фальсификация) – влияют на ход дальнейшей работы.

Итак, *учёный должен обращаться к профессиональному сообществу*. А это не возможно без поиска взаимопонимания, т.е. совместного с коллегами развития такого языка, который если и не вполне выражает идеи и содержания сознания того, кто на нём обращается к другим (к коллегам), всё же позволяет, по выражению Карла-Отто Апеля, достигать «трансцендентальный синтез опосредованной языком интерпретации (которая конституирует значимость познания) как единства понимания относительно чего-то в

¹⁴ Цитирую в: Немцев М. Очерк истории Школы гуманитарного образования // От пятнадцати и старше. Новое поколение образовательных технологий. М.: Демос, 2006. С.150.

¹⁵ Напоминаю, что процитированный выше документ был написан в сравнительно либеральном 1999 году. В заключительной части он содержал такую общую оценку семинара: «в негативном плане стратегически эта работа имеет явно выраженные негативные проявления с далеко идущими последствиями» (Немцев 2006, там же).

¹⁶ В настоящее время С. И. Григорьев – первый проректор российского государственного социального университета, почётный координатор «Народного Собора»

коммуникативном сообществе»¹⁷. Неправильное или «неадекватное» понимание – обычная причина споров между учёными. Но отсутствие таких споров – очевидно, признак отсутствия какого-либо «синтеза интерпретации»; а причина его – отсутствие «*воли к сообществу*», нежелание говорить с коллегами. А такое «наличие отсутствия» можно наблюдать, когда коммуникативное сообщество учёных – это лишь возможный, да и то не необходимый восприёмник полученных результатов. Кто же тот Большой Другой, к кому обращены результаты исследований? Иногда – власть (локальная и региональная), иногда – ВАК. А в некоторых случаях (подозреваю, что случай СЖС – из их числа) предполагаемый собеседник – непосредственно Русский Народ. Вчитается, поймёт и восприняет... Это по-своему интересная коммуникативная ситуация, но это уже не совсем наука – если под наукой подразумевать то, что, кажется, подразумевается под этим словом в большинстве европейских языков. Дело в том, что такой Большой Другой-как-читатель не нуждается в Истине. *А если учёный не пишет об истине, то... – ?*

... Второе *sine qua non* условие научной деятельности: *статус ученого в сообществе учёных может и должен быть результатом исключительно научных исследований, т.е. функцией от «вклада в науку»*. Это не значит, что учёные честно соизмеряют свои вклады и выбирают лучшего. В социологии науки подробно описана «борьба за внимание», благодаря которой делаются научные карьеры; ну а отсылка к работам Бурдьё по теме «символического насилия» и «контроля поля науки», в «Культиваторе» вообще несколько излишня...¹⁸ Философия науки в своём развитии постепенно отходила от представления об учёном как свободном исследователе, представляющем новое знание о мире другим свободным исследователем («стандартная концепция науки») к признанию сначала роли сообщества учёных и самого пространства обсуждения этого нового знания, а затем к признанию роли власти и борьбы за власть в этом пространстве («социология науки»). Однако в любой из таких концепций, учёный – это прежде всего тот, кого признают учёным другие учёные. Видимо, возможность того, что научный статус становится производным от другого, вненаучного статуса, находится за рамками философии науки как рационального проекта самопознания науки. Понятно, что чем выше статус исследователя как, скажем, администратора, тем больше возможностей у него влиять на развитие какой-либо дисциплины и больше ресурсов, чтобы пытаться конфигурировать само поле науки. Но вот когда учёный может вообще не иметь *никаких* признанных вне круга его единомышленников результатов, и успешно публиковать всё новые работы, претендовать на публичное внимание (выступая как «эксперт» и знаток) и вести почти полноценную интеллектуальную научную жизнь – это за пределами обычных философских представлений о науке, и вне здравого смысла вообще. Это иррациональная ситуация.

Социальная наука в России – это любопытный случай массового превращения научного знания в ресурс для достижения вненаучных целей. При этом такая «превращенная наука» может выглядеть как дисциплинарно организованное научное исследование. Её носители, отказавшись от участия в глобальном научном сообществе, т.е. прежде всего, отказавшись от стремления переводить самих себя на любые другие языки, накапливают своё собственное знание. Конечно, чтобы быть успешным в *такой* науке, требуется сформировать своё сообщество. Это будет сообщество, стоящее из своих: тех, кто готов говорить на данном языке (сколь угодно аутичном), кто готов признавать иерархии, определяемые статусами, не конвертируемыми в статусы и авторитет в иных научных сообществах; тех, кто готов принимать набор предустановлений и постулатов, не признаваемых другими учёными. Эти предустановления и коммуникативные установки не иррациональны, скорее они обладают особой рациональностью, и принять её – значит

¹⁷ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос. 2001. С. 259.

¹⁸ Другая стандартная в современных работах по социологии знания в России ссылка: Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. Н. С Розова, Ю. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.

согласиться с некоторыми правилами социального поведения. (И тут уж никто не отнимет у исследователя его свободы: не хочешь играть в странные игры – не играй!).

Правила эти не так сложны, ибо в основе своей имеют три понятных этических принципа. Это (1) *лояльность (точнее, личная преданность)*, (2) *доверие к власти* и (3) *согласие оценивать свои или чужие научные результаты с точки зрения их полезности для развития данной группы*. Привычка отличать среди коллег «своих» от «чужих» (с искренним безразличием к результатам «чужих») приходит само собой, но непременно приходит.

Те, кто играют по этим правилам, образуют особые научные сообщества. Если посмотреть со стороны, эти сообщества устроены так, как обычно и устроено академическое сообщество: в нём есть лидеры – утверждённые ВАКом (это важно для респектабельности!) кандидаты и доктора. Первые преподают и редактируют научные сборники¹⁹, вторые возглавляют кафедры, факультеты и «перспективные научные школы». Эти сообщества выпускают труды своих членов. И необходимо, и престижно иметь внесённый в список ВАКа журнал, чтобы публиковать там своих аспирантов и аспирантов дружественных коллег «со стороны». Иногда необходимо проводить конференции... В общем, научная жизнь как научная жизнь; но, заглянув ближе, вчитавшись в тезисы этих конференций, вы вдруг обнаруживаете, что это какая-то странная наука. Там занимаются чем-то своим, пишут о чём-то своём, обмениваются ресурсами, делят властные полномочия... Накопление знания в таких сообществах, несомненно, происходит; но *о чём это знание, для кого это знание, и знание ли это вообще* – вот в чём вопрос!

Но ведь если вас не интересует, банально, как устроено общество на самом деле, то в вашу пользу то, что ВАК и вместе с ним – администрация ВУЗа учитывает публикации *поштучно*. Если формальные показатели свидетельствуют о росте научной школы, мнение других социологов можно не учитывать, тем более что на конференции приглашают только «своих» – а не приглашённые сами не поедут (кому интересно), тем более, если далеко ехать.

По пути создания замкнутых самовоспроизводящихся академических сообществ пошли различные группы учёных в постсоветской России²⁰. Их можно было бы назвать «анклавы», ибо это своеобразные *анклавы прошлого – в настоящем*. Особенно хорошо такое «анклавостроительство» получалось и получается почему-то именно у социологов и философов. Большинство таких групп за последние 15 лет проиграло конкурентную борьбу, либо просто выдохлись и исчезли с локаторов. Соцфак АГУ примечателен, прежде всего, тем, что создатели СЖС успели раньше и эффективнее других сформировать такое сообщество, раскрутить его и этим *прославиться*.

¹⁹ Даром, что ли, такие сборники известны в проф. среде как «*братские могилы*»...

²⁰ Бляхер Л.Е. Парадоксы провинциальной политологии (записки провинциала) // Социологическое обозрение. Т. 1, №1, 2001. С. 68-80.